

Арто
Паасилинна

СЫН БОГА
ГРОМА

Арто Паасилинна
Сын Бога Грома

«Издательство Ольги Морозовой»
1984

УДК 821.111-3
ББК 84(4Фин)6-44

Паасилинна А.

Сын Бога Грома / А. Паасилинна — «Издательство Ольги Морозовой», 1984

“Сын Бога Грома” – это история про то, как Финляндия стала страной, где, хоть и много проблем, зато нет ни одного дурака. Финский путь к успеху, как водится, не обходится без божественного провидения. Главный персонаж романа – сын скандинавского бога Грома, посланного на землю дабы вразумить заблудший и разуверившийся в своих исконных северных богах народ. Сын бога Грома – Рутъя меняется телами с местным жителем, обзаводится учениками и размышляет о том, как лучше всего провести собственную рекламную компанию. В конце концов он открывает психиатрическую лечебницу и ведет столь успешную практику, что вскоре во всей Финляндии не остается даже невротиков. Страна выздоравливает, миссия Рутъи завершена, но выясняется, что местный налоговый инспектор ждет от него ребенка, и репутация спасителя может быть основательно подмочена.

УДК 821.111-3
ББК 84(4Фин)6-44

© Паасилинна А., 1984
© Издательство Ольги
Морозовой, 1984

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Арто Паасилинна

Сын Бога грома

© Arto Paasilinna and WSOY

Original title “Ukkosenjumalan poika”

First published by WSOY in 1984, Helsinki, Finland

Книга издана при поддержке Информационного центра финской литературы (FILI)

© Издательство Ольги Морозовой, 2013

© Т. Мельник, перевод, 2013

© А. Бондаренко, оформление, 2013

* * *

Предисловие

Небо в Финляндии похоже на яркую синюю обложку книги, украшенную тысячью звезд. Небесный свод поддерживает огромный столб, верх которого венчает яркая Полярная звезда. На небесах живут финские боги, туда же после смерти попадают праведные финны. Главный властелин небес – Верховный Бог по имени Укко, которого также называют Богом грома.

Финские небеса – самые старые, небеса других стран и народов созданы гораздо позже. А еще раньше, чем возникли финские небеса, на свет появились финские боги. Они появились самыми первыми, другие боги пришли в этот мир спустя много тысячелетий. Вначале пришел Бог грома. Когда мир был возраста грудного ребенка, Бог грома был почти таким же старым, как сейчас. Бог грома не только самый старый, он еще самый строгий и самый сильный. Он лучший из всех богов.

Иногда летом Бог грома приказывает украсить небесный свод радугой, а когда приходит снежная зима, велит включить Северное сияние. Он умеет вызывать бурю, поднимать воды в реках так, чтобы они затапливали деревни и села, взрывать кратеры вулканов и выпускать оттуда горящую лаву, устраивать затмения луны и солнца. Он сообщает свою волю, швыряя на землю молнии и сталкивая с грохотом облака. И тогда люди трепещут за свою жизнь.

Грешники, умирая, попадают напрямую в Хорну – финскую Преисподнюю. А там Лемпо и Турья вываривают из них всю дурную кровь. Если грешник выдерживает эту муку, его сажают на плот ипускают по огненным водам реки через бурлящие пороги Подземного царства в загробный мир Туонелы, или Маналы. А если кто не удержится и соскользнет с плота, тому уже не спастись. Псы Туонелы вытаскивают тело из воды и тут же на берегу сжирают его. На память о бедолаге остаются лишь обглоданные белые кости.

Раньше, когда другие народы еще не родились и на земле жили только финны, Бог грома царствовал как на земле, так и в Подземном мире. Он управлял всем живым и мертвым царством, как на белом свете, так и в Подземном мире, был единственным хозяином всех земель и вод. И было хорошо.

Но времена меняются и влекут за собой изменения как на земле, так и на небесах. Сегодня в мире существуют тысячи народов и племен, сотни религий и миллионы богов. И финский народ, и финские небеса, и финские боги теперь лишь незначительная часть бесконечного разнообразия мира.

И хуже всего то, что финны забыли своих богов, перестали поклоняться им и приносить им жертвы. Они обратились к христианской религии и забросили свои святыни. Многие из них уже и не знают, что у них есть свои боги и свои небеса. Истинных приверженцев старой религии осталось не более пяти сотен, да и те боятся публично служить своим богам, ведь за это могут сурово наказать. И если вдруг заметят, что кто-то поклоняется Богу грома, его могут привлечь к ответственности за инакомыслие и святотатство. Такого человека могут запросто выгнать с работы и даже поместить в сумасшедший дом, а его жену и детей подвергнуть общественному порицанию и насмешкам.

Сорокалетний фермер и торговец антиквариатом Сампса Ронкайнен был староверцем. Он владел большим пришедшим в запустение хозяйством в уезде Сунтио в губернии Уudenmaa и держал антикварный магазин в Хельсинки на улице Исорообертинакату, или улице Большого Роберта.

Со стародавних времен род Ронкайнена поклонялся истинным финским богам, верно служил им и регулярно преподносил им дары. Хотя в детстве ему и сделали необходимые прививки, от посещения конфирмационной школы родители его все-таки избавили. Он не состоял в числе прихожан евангелистско-лютеранского прихода и не ходил на богослужения. При необходимости Сампса обращался с мольбой о помощи к Богу грома, так же как это делали его

отец и прадед. Сампса предпочитал держать свою религию в тайне. Никто не знал о его богах, поэтому его не преследовали, он мог спокойно жить в Финляндии и заниматься собственными делами.

Сампса Ронкайнен был верующим человеком и поэтому очень боялся грома.

Известно, что кроме Бога грома на небесах правит его жена по имени Рауни. Она считается хозяйкой земли. С древних времен Рауни помогает людям сражаться с живущими в горах длиннохвостыми лешими. Мало того что лешие никогда не чистят зубы, у них масса других вредных привычек. Если бы Рауни не давала людям сил для борьбы, лешие быстро завоевали бы небо и землю.

Отношения у Бога грома и его жены не всегда ровные и безмятежные. Рауни частенько взрываеться и шумит на мужа, и тогда на земле бушует буря с дождем и люди прячутся по домам со словами: «Опять гроза на дворе!»

Кроме Бога грома и его с жены на небесах живут другие боги. Главный среди них Илмаринен – Бог мира и солнца. Люди благодарят его за теплую погоду и погожие дни. Илмаринен ненавидит войны и мечтает, чтобы везде царил мир. Он стремится, чтобы дух Хельсинкского соглашения правил в мире как можно дольше. Именно его назначили ответственным за реку Туонелы в 1956 году, когда умер президент Юох Кусти Паасикиви. Илмаринен организовал дела так, что Паасикиви не пришлось спускаться в Хорну, он попал прямиком на небеса, на которых в его честь зажгли Северное сияние. И Паасикиви, который при жизни и двух слов не мог сказать, чтобы не выругаться, заявил, что здесь «дьявольски красиво!».

Президент тут же поинтересовался, нельзя ли ему увидеться с советским генерал-полковником Ждановым, который после войны был председателем комиссии наблюдателей от союзных государств в Хельсинки. Паасикиви пояснил, что Жданов умер в 1948 году, и добавил, что ему очень хотелось бы поболтать с ним и выяснить, как у него дела.

Илмаринен обещал узнать. Однако вскоре выяснилось, что со встречей ничего не выйдет. Оказалось, что Жданов обитает в так называемом Русском аду, где царит температура минус семьдесят градусов и который располагается еще ниже Хорны – финской Преисподней.

– Все равно не понимаю, почему старый черт не может принять меня, – недовольно ворчал Паасикиви.

Он успокоился лишь тогда, когда ему рассказали, что на самом деле Жданов терпеть не мог Паасикиви да и всех остальных финнов. К тому же сейчас он превратился в ледяную глыбу и общаться с ним решительно невозможно.

Когда пришло время Кекконена, Илмаринен также организовал ему почетную встречу у реки Туонелы. Без него тот тоже прямиком угодил бы в страшные воды Хорны, что, по мнению Илмаринена, никак не подходило для такого человека, как президент Урхо Калева Кекконен.

Земледелие и скотоводство в Финляндии оберегает Бог Сампса Пеллервойнен. А еще он отвечает за своевременный приход весны. Это непростая задача, ведь в Финляндии зимой частенько наметает огромные сугробы, реки промерзают на много метров в глубину. Уж не говоря про насквозь промерзшие болота и бескрайние заснеженные поля и леса! Так что организовать приход тепла совсем непросто. Сампса подходит к решению этой задачи так: поднимается наверх и, подпирая плечами небесный свод, разворачивает его, и солнце оказывается на зимней стороне. Тогда зима постепенно отступает, снега тают и земля покрывается нежной зеленой травой. Последнее время Сампса с большим беспокойством наблюдает за новыми тенденциями финской сельскохозяйственной политики. И никак не может понять, почему пере производство продуктов питания, по мнению финнов, является плохим делом. Он считает, что чем больше земля родит хлеба и мяса, тем лучше для всех. И, если финны не в состоянии съесть все, что производят, излишки следует отправить в страны, где народ страдает от голода.

Много значительных богов обитает на финских небесах.

Вот, например, Бог пива Пелто-Пекка, Верховный Покровитель пьянства, веселья и беспорядка. Он вообще не признает споры о том, какое пиво лучше – карельское, лапландское или какое другое – главное, пить с удовольствием, в хорошей компании и вести себя достойно, не теряя человеческого лица. Пелто-Пекка обожает смех, игры, соревнования, и ему совсем не нравится, что сейчас в финских кабаках запретили петь застольные песни. Он искренне не может понять, почему пиво средней крепости вызывает такие горячие общественные диспуты. Бог считает этот напиток настолько вкусным и полезным, что рекомендовал бы его даже женщинам и детям. По его мнению, это пиво хорошо бы продавать по символической цене даже в детских садах и женских консультациях. А уж материам-одиночкам вообще следует организовать бесплатную доставку пива на дом.

Следующий по значимости финский бог – это Ягряс, Бог урожая. У него большие, как у двурогого барана, яйца, крепкая плоть и ласковый манящий голос. Он отвечает за плодородие в любом виде. Ягряс не приемлет противозачаточных таблеток и считает аборты смертным грехом. Он обожает мормонов, которые рожают сколько Бог пошлет... Ягряс обожает мормонов, несмотря на то что те поклоняются христианскому Богу, который запрещает им даже смотреть телевизор. Ягряс радуется любым проявлениям сексуальности. Главное, чтобы рождались детишки, а в законном браке или нет, это, по его мнению, дело десятое.

А меньших по значимости богов в Финляндии не счесть. Ронкотеус – покровитель ржи, а за урожай ячменя отвечает Виранканнос. В царстве Хорны хозяйствуют Лемпо и Турья, они варят в огромных чанах кровь, а прислуживает им стая мышей. Под землей живут гномы. Они размером с большой палец и покрыты шерстью с ног до головы, зато по характеру очень добрые, надежные и трудолюбивые. На кладбищах и в моргах обитают сосновики. Несмотря на то что сосновикам приходится иметь дело с мертвыми и слушать стенания и плач безутешных родственников, нрав у них веселый и беззаботный. В жилищах обитает бесчетное количества разного рода домовых. В настоящее время многие из них переселились в многоэтажные городские дома, там они заведуют целыми подъездами, опекая сразу несколько соседствующих семей.

Еще один важный для финнов Бог – Покровитель банковского мира Паара. В стародавние времена Паара с помощью подружек-ведьм воровал молоко. Он присасывался к чужим коровам и пил молоко прямо из вымени. Ворованное молоко в его животе превращалось в масло, которое Паара возвращал владельцам коров. Сегодня Паара развлекается тем, что играет на бирже, спекулирует ценными бумагами и следит, чтобы люди исправно возвращали кредиты и чтобы денежки с прибылью текли на банковский счет владельца. Частенько, надо заметить, владелец держит счет в глубокой тайне. Раньше считалось, что деньги – грязное дело, а теперь говорят, что они не пахнут. Когда два крупнейших банка Финляндии – Национальный акционерный банк и Объединенный банк Финляндии – провели эмиссию и выпустили акций на миллион, Паара чуть с ума не сошел от переполнявших его чувств. От счастья он несколько месяцев носился над страной, испуская восторженные крики. Покровитель банковского мира набил брюхо новенькими акциями, которыесыпались у него изо рта на радость бедному люду.

Часто слышен голос Пограничного стражи. Он вопил от счастья, когда в 1940 году в Москве был подписан мир, и рыдал от горя, когда вскоре в начале Зимней войны-продолжения финские войска перешли государственную границу. Его голос слышался по всему белому свету, когда была прорвана линия защиты Карельского перешейка и финны сдали Выборг. Он плакал, когда разрезали пополам Берлин, начались беспорядки в Ливане, войны в Южной Америке и Афганистане. Во время войны во Вьетнаме он так кричал, что у него воспалились голосовые связки и он почти потерял голос, поскольку просто визжал от ужаса, когда новости про очередные бомбежки американцев достигали финских небес.

А уж разные привидения, духи, лешие хозяйствуют повсюду – в небе, на земле и в ее недрах. Часто в воздухе раздается крик Ихтириекко – покровителя убитых в утробе матери

внебрачных детей. И кричит он еще громче, чем Пограничный страж. Лиекко и Аарни заведуют Северным сиянием и зарницами, а когда прибывают эльфы, они зажигают в их честь целые моря блуждающих огоньков.

Особое положение на финских небесах у Богини Айяттары. Она всегда чем-то занята и куда-то спешит. Айяттара необычайно хороша собой. Она одета в затканную звездами полу-прозрачную накидку. Среди богов-мужчин считается весьма неприличным ухаживать за ней, пытаясь завлечь к себе в постель. Но Бог Ягряс не обращает на эти традиции ни малейшего внимания и частенько развлекает Айяттару своими байками. И тогда по небесам разносится звонкий, как колокольчик, веселый смех Богини в звездных одеждах.

Из наиболее значимых финских богов обязательно следует упомянуть Покровителя леса Бога Тапио. Он охраняет леса и всех живущих в них зверей. Это очень добрый бог, и вся семья у него очень добрая и милая – жена Нюкютяр, дочка Мююрикки и сын Нююрикки. Но самая добрая среди них мать Тапио – Богиня Миелуутар, покровительница белок и сосен.

Давным-давно, когда в мире было больше белок, чем финнов, и в Финляндии росли лишь березы да елки, возжелал Бог грома любви Миелуутар. Однако та не согласилась лечь с ним в постель без подарка.

Тогда спросил у нее Бог грома:

– Чего же ты хочешь?

Миелуутар была скромной богиней и ничего не захотела для себя.

Она решила попросить за белок, которых очень любила, и прочитала Богу грома короткое стихотворение:

Не живет белка на березе,
Прыгает по веткам сосен...

И вскоре у Миелуутар родился сын Тапио, а в Финляндии выросли сосны, по которым весело запрыгали стаи рыжих белок. И даже сегодня белки с огромным удовольствием устраивают свои жилища именно в дуплах сосен, которые, в свою очередь, являются самой дорогой древесиной как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Шустрые и любопытные лесные гномы долго удивлялись новым чудным деревьям, что быстро произросли на местах просек. Они без устали обсуждали эту тему годами. В конце концов их самих прозвали сосновиками. Сегодня мало кто знает, откуда возникло такое название маленьких существ, живущих рядом с мертвцами. Даже в серьезных научных исследованиях невозможно найти этимологию слова “сосновик”.

Хиттавайнен, главный помощник Тапио, раньше занимался тем, что поставлял зайцев к столу Тапио. Сейчас Хиттавайнен отвечает за сроки открытия охотничьего сезона и выдачу разрешений на отстрел лосей.

Бога воды зовут Ахти, помогает ему русалка по имени Велламо. Когда Ахти с Велламо устраивают игры и соревнования, вода в озерах и морях волнуется и иногда даже выходит из берегов. Но по большей части Ахти ведет спокойный и размеренный образ жизни. Тапио, Хиттавайнен и Ахти с большой озабоченностью наблюдают за тем, какими темпами в последнее время происходит загрязнение окружающей среды в Финляндии да и во всем мире. Они не раз жаловались на это Богу грома. На жалобы тот отвечал, что, к сожалению, никак не может повлиять на дурные привычки людей. Конечно, он может разозлиться и ударом молнии разнести в клочья всю землю, но в таком случае будет уничтожен род человеческий, чего ему пока совершенно не хотелось бы.

Сын Бога грома – Рутъя – самый молодой и красивый из всех богов. Он прекрасно воспитан, отличается необыкновенной отвагой, но совершенно неопытен в практических делах. Однажды Турья, решив сделать перерыв и отдохнуть от варки крови грешников, позвал сво-

его кузена Рутью к себе в гости в Туонелу. Братья решили развлечься и покататься по крутым порогам речки Царства мертвых. Они от души веселились и радостно хлопали друг друга по плечам, скатываясь с круtyх перекатов и попадая в страшные водовороты. Вот каковы забавы молодых диких богов! На небесах Рутья часто беседует с Айяттарой, пытаясь склонить ее к любовным утехам, но та в ответ лишь смеется и убегает прочь. У Руты нет особых поручений или работы, он иногда спрашивает у других, чем может помочь. У него энергичный, но беспокойный нрав.

Вся эта божественная организация бесперебойно работала много тысячелетий, однако в последние пятьсот лет стала давать сбои. Последнее время финские боги с беспокойством замечают, что на их земле хозяинчают чужие боги, активно насаждая свою религию и ценности. Много раз за последние сотни лет боги собирались и обсуждали ситуацию, но к окончательному мнению не пришли.

Нет, Бог грома и Илмаринен не испытывают ни малейшей неприязни к Иисусу и прочим... Наоборот, они искренне считают, что каждый вправе верить во что хочет. Но ведь с позиции христианского Бога, в общем-то, совсем некорректно утверждать, что Бог грома вовсе не бог, и уж тем более третировать его последователей.

Давным-давно, еще во времена крестовых походов, когда христианскую религию силком тащили в Финляндию, Бог грома со смехом смотрел на всю эту суэту. Но, когда через пару веков новая религия укрепилась и пустила корни, ему было уже не до веселья. С тех пор и до сегодняшнего дня он больше не смеется.

Илмаринен, Тапио и Ягряс, как и остальные финские боги, уверены, что им не стоит сдаваться под напором новой религии и атеизма. Они считают, что негоже финнам забывать своих настоящих богов. Надо собраться всем миром и показать чужакам, кто в доме хозяин.

Известно, что финны – народ упрямый. Несмотря на это, Илмаринен отправился к Богу грома с просьбой собрать остальных богов, чтобы решить, что делать и как жить дальше.

Бог грома произнес:

– Финны не поклоняются мне уже пятьсот лет. Иногда мне кажется, что хорошо бы устроить какое-нибудь страшное землетрясение и уничтожить этот народ... Но раз уж вы пришли ко мне и просите о последнем, решающем собрании, значит, так тому и быть. Прошу вас заняться приготовлениями.

Сампса Пеллервойнен предложил провести собрание 27 июня. Во-первых, потому, что у него в этот день День рождения, а во-вторых, поскольку в это время рожь на полях как раз начинает колоситься, обещая хороший урожай. Ну и якобы можно ожидать, что и собрание, проведенное в это время, будет успешным и принесет хорошие плоды.

Бог грома одобрил дату и велел богам, божествам, гномам, водяным и сосновикам явиться на собрание.

Для придания своим словам весомости, он поднял сильную бурю, а ночью учинил страшную грозу. Молнии сверкали так, что было светло, как днем, а одна из них ударила в купол церкви Виеремя и спалила ее дотла. Страховые выплаты и вполовину не покрыли нанесенного ущерба.

Глава 1

Фермер и по совместительству торговец антиквариатом Сампса Ронкайнен шел по березовой аллее к почтовому ящику, располагавшемуся на главной дороге примерно в ста метрах от крыльца его дома. Только прошел Иванов день, так что отправленные до праздника письма должны уже прийти.

Усадьба “Ронкайла” находилась в деревне Пентеле уезда Сунтио. Это было старое родовое поместье. Во дворе стояло обветшалое главное здание, за ним – построенный позже жилой дом. Эти здания вкупе с древним каменным коровником образовывали закрытый двор, на задах которого когда-то был разбит ныне совершенно одичавший и заросший сад.

С веранды нового дома за передвижениями Сампсы наблюдали две женщины. Одна из них, сестра Сампсы, зубной врач Анелма Ронкайнен-Куллберг, стояла, завернувшись в махровый халат. Ей было около пятидесяти лет. Вторая, тощая и невзрачная дама лет тридцати, была неофициальной женой Сампсы. Настолько неофициальной, насколько это вообще возможно представить.

В свое время сестра Сампсы получила образование за счет доходов от усадьбы. К тому же в качестве приданого она получила треть самой усадьбы, которую, впрочем, быстро потеряла, выйдя замуж за местного повесу Фреда Куллберга. Он происходил из давно обедневшего старинного рода финско-шведского дворянского сословия. Куллберг относился к разряду кутил и выпивох и быстро спустил деньги, полученные в приданое за женой. Потом он довольно быстро скончался от какой-то связанной с алкоголизмом болезни, оставив жену без малейших средств к существованию. Придя в себя от растерянности, вызванной смертью мужа и потерей собственности, Анелма переехала в “Ронкайла” и уже долгое время жила здесь, ничем особо не занимаясь.

До войны “Ронкайла” относилось к числу одних из самых богатых поместий в Финляндии: восемьсот гектаров земли, из них более ста под посев зерновых. Шестьдесят голов дойных коров, собственная молотилка и куча другой полезной в хозяйстве техники. Старый хозяин усадьбы Тавасти Ронкайнен установил здесь первый в округе электрогенератор, заставив работать воду в ручье. В основном электричество шло на нужды усадьбы, но и деревне перепадало. Потом ручей зарос, усадьба постепенно пришла в запустение и вскоре стала лишь тенью того, чем была когда-то. Многое разворовали, третью часть всего прокутил Куллберг.

Женщины неторопливо пили чай на веранде. Им нечем было заняться, да им и не очень-то хотелось что-либо делать. Дни напролет они болтали, “беседовали” и “обменивались мнениями”. А такими хлопотами, как известно, сад не расцветет и дом чистотой не засияет. Каждую осень сад дарил тысячи яблок, которые никому и в голову не приходило собирать. Яблоки падали на землю, устилая ее своими красными боками, и пропадали, загнивая в нескошенной пожелтелой траве. Яркие кисти смородины никли и осипались, не дождавшись, пока их сорвет и уложит в корзину хозяйская рука. К Иванову дню трава вырастала так плотно, что сквозь нее не могли пробиться даже жесткие стебли ревеня, многолетние люпины тщетно сражались за жизнь с огромной крапивой.

На веранде кружили стаи мух, женщины недовольно отмахивались и запахивали полы халатов, не давая им залезть под одежду. В сауне снова сломался душ, однако никто не подумал нагреть воду в большом каменном чане.

Сампса заглянул в почтовый ящик в надежде обнаружить пару каких-нибудь приятных писем. Черт возьми, только два счета и несколько газет. И информационный листок Союза стоматологов – Анелме. Больше ничего. Сампса скатал информационный листок в шарик и бросил в канаву за ящиком.

Сампса был здорово похож на своего отца, старого хозяина “Ронкайлы”. Тот очень разозлился, когда узнал, что Анелма собралась замуж за обнищавшего шведского аристократа, и сказал, что ни за что не пустит его в “Ронкайлу” пьянствовать. Но старый хозяин умер и вскоре значительную часть “Ронкайлы” пропили и прогуляли.

Старый хозяин успел обратить сына в свою веру. Когда в школе заговорили о конфирмации, он отвел Сампсу в лес и показал, как надо поклоняться Богу грома.

– Я тебе свою конфирмацию устрою, – произнес он, усмехнувшись.

В те времена за усадьбой рос густой лес. Чаща начиналась сразу за домом, в центре зарослей валялся обломок скалы. Сампса увидел, что сверху камень был выдолблен, в углублении лежали белые рыбы скелеты. Тайвасти Ронкайнен стащил с головы кепку и велел сыну сделать то же самое. Затем он водрузил на камень здоровый кусок ветчины, поставил рядом поллитровку самогона, набросал сверху сухих веток и поджег. Огонь поджарил свинину, бутылка от жара треснула, и горячий самогон полился по камню на землю. Отец схватил треснувшую бутылку, принял заливать горячий самогон в рот и приказал Сампсе последовать его примеру. Сампса приник к камню, слизывая жгучий хмель. Только бы не сжечь язык! Горячий алкоголь мгновенно ударил в голову. В завершение Тавасти с Сампсой исполнили ритуальную пляску, громко выкрикивая пожелания счастья и благоденствия Богу грома.

Сампсе было страшно, но рядом находился отец, значит, все так и надо, все правильно.

На обратном пути Тавасти рассказал сыну, что, поскольку у них самые большие в округе угодья, его пригласили стать старостой церковного прихода.

– На черта мне это надо… Бог грома могущественнее какого-то там приходского священника!

В пятидесятые годы отец Сампсы купил зерновой комбайн. Этот агрегат был самым большим в деревне и стоил огромных денег. Однажды комбайн утонул в мокрой глине вязкого от многодневных дождей поля. Как ни старались, не смогли вытащить его оттуда даже трактором. Тавасти страшно разозлился и, грозя небу кулаком, ругал своего Бога, упрекая его в случившемся. А на следующую ночь разыгралась страшная гроза. Молния ударила в крышу, пробежала по проводам и сожгла все розетки в доме. В спальне на верхнем этаже молния пробила проводку, и электрический разряд попал в стоящую на столе лампу. Она взорвалась и убила хозяина усадьбы. Хозяйка, к счастью, умерла раньше от какой-то легочной болезни, еще во время перемирия, так что ей удалось избежать страшной участи.

Этот случай укрепил веру Сампсы в могущество Бога грома. Он взял за привычку приходить в лес за усадьбой к старому камню и возносить молитвы древним финским богам. Казалось, молитвы и вправду помогают. Бог грома часто приходил ему на помощь в трудных ситуациях. Сампса верил: несмотря на то что этот Бог убил его отца, он не должен ненавидеть сына, ведь, выкрикивая проклятия в адрес Бога грома, отец сам навлек на себя беду.

Сразу после похорон Сампса занялся комбайном. Он не стал вытаскивать его, просто разобрал на части и выкинул подальше. В “Ронкайле” сделали новую проводку, а старую обуглившуюся кровать Тайвасти разломали и сожгли в печи.

В свое время Сампса ходил в училище, потом поступил в университет, где некоторое время изучал историю искусств. Сампса любил читать книги, однако, когда он принял вести хозяйство, стало ясно, что с цифрами он не дружит. И в юной душе засела мысль заняться антиквариатом.

Однажды летом Анелма решила привезти к ним в гости свою подругу Сиркку, которая, как говорили, всерьез занималась искусством: делала художественные аппликации.

Девушка оказалась нежным слабым существом, была младше Сампсы и возбудила в нем жалость и сочувствие. Сиркка почти во всем была полной противоположностью Анелмы: бледная с прозрачными голубыми глазами, она тенью ходила вдоль стен, теребя в руках то носовой платок, то какую-нибудь соломинку. Здоровая и рослая Анелма отличалась мужской фигурой,

кожа на ее лице напоминала лошадиную шкуру, голос звучал резко и громко. Сампса был уверен, что пациента от одного ее вида начинает трясти от страха, стоило переступить порог зубного кабинета. Она была прямолинейна, груба и сильна. Когда она хватала голову больного и поворачивала ее, у того не оставалось ни малейшей возможности сбежать: “Открыть рот! Кровь сплюнуть!”

Анелме нужна была Сиркка, а той – Анелма. Сиркка не могла прокормить себя своими аппликациями, а Анелма крайне мало зарабатывала зуболечебной практикой. Поэтому они обе нуждались в Сампсе и полностью зависели от него. И, чтобы разрешить ситуацию, Анелма придумала, что Сиркка должна стать женой Сампсы. Ну, если он не хотел жениться официально, то хотя бы гражданской женой.

И тихая Сиркка начала крутиться вокруг Сампсы с утра до вечера. Она звала его прогуляться в сад, в лес или к заросшему пруду. Иногда ее нога застревала в камнях, и она робко просила Сампсу помочь выбраться. Если начинался дождь, Сиркка пряталась под свитер Сампсы, забиваясь под его защиту, словно нежный хрупкий мотылек под цветочный лепесток. Иногда она поднималась вверх по лестнице и, шагая перед Сампсой по ступенькам, поднимала край юбки так, что он мог видеть ее белые ноги без чулок. Вечерами она разливала на веранде чай, беспрестанно ласково воркуя над ухом Сампсы.

И вскоре Сампса каким-то странным образом проникся теплым чувством к нежной женщине, которая умела делать аппликации и рассуждать об истории искусств.

И вот ловушка захлопнулась. Сиркка объявила, что беременна и надо делать аборт и все такое. Она стала представляться в деревне невестой Сампсы.

– Ты поставил девушку в ужасное положение, – заявила Анелма брату. Она будет жить здесь, нравится тебе это или нет.

Так и осталось неизвестным, сделала ли Сиркка аборт. Во всяком случае, она никого не родила. Поначалу Сиркка пыталась спать с Сампсой в одной кровати. Но Анелме это категорически не нравилось, поэтому Сампса в конце концов перебрался в старую заброшенную часть дома, где было шестнадцать комнат, в одной из которых Бог грома убил его отца.

Сампса не боялся старого дома. Гораздо больше его пугали женщины, без устали плетущие интриги. Ночью по коридору второго этажа бегали сосновики, издавая странные звуки, и женщины боялись туда заходить, Сампса всегда мог там укрыться. Женщины говорили, что на втором этаже живет нечистая сила, что в грозу по коридору с настольной лампой в руках бродит прежний хозяин.

Женщины, разумеется, были совершенно правы, во всех стариных домах живут привидения.

– Ну и жизнь, – вздохнула Анелма, глядя на идущего по березовой аллее Сампсу.

Сиркка согласно кивнула.

– Давай сегодня не будем ничего делать, – осторожно предложила она.

– Да, мне тоже ничем неохота заниматься, – ответила Анелма.

Когда Сампса вернулся к веранде, ему навстречу из сауны вышел “брат” Сиркки – молодой человек, на нем были только джинсы.

– Привет. Почта пришла?

– Пришла. Но не тебе.

Этот тип поселился в “Ронкайле” прошлой весной, под предлогом, что “погостить приехал”. Сампса его терпеть не мог, поскольку тот был не только ленивым, но и наглым. К своим двадцати пяти годам он ничего не добился в жизни, и в принципе не собирался ничего добиваться. Звали его Рами. Грудь и плечи молодого человека были покрыты татуировками. Крест, якорь, красотка в бикини, роза и компас… Иногда Сампса с интересом разглядывал его обнаженный торс. Да, неистребимо желание людей возводить памятники. Разумный и обеспечен-

ный человек строит дом или хотя бы башню из бревен, возделывает землю. Глупый и нищий – наносит на тело татуировки, создавая себе памятник на собственной шкуре.

“Брат” Сиркки притащил в “Ронкайлу” своих друзей, те – своих знакомых. И Сампсе пришлось терпеть вечеринки на открытом воздухе, которые те незамедлительно принялись организовывать. Эти развлечения обходились Сампсе в копеечку, особенно учитывая, что ни усадьба, ни антикварный магазин на улице Большого Роберта денег особо не приносили.

В будние дни в промежутке между вечеринками женщины натягивали с утра на себя халаты да так и ходили целый день, не считая нужным переодеться. Ничуть не смущаясь, они могли ходить в халатах и тапочках целую неделю. Если на улице шел дождь, они проводили день в постели, а в облачную погоду не выходили на улицу.

“Брат” Сиркки исчез на веранде вслед за женщинами. Вскоре оттуда донеслись оживленная болтовня и смех. “Брат” считал себя человеком с хорошим чувством юмора и с удовольствием развлекал дам.

Сампса подумал, что было бы справедливо, если бы в дом ударила молния и сожгла дотла неприятных ему людей. Он даже обращался к Богу грома, чтобы тот воплотил его мечты, но ничего не происходило.

Вот и сегодня стоял безоблачный и спокойный день. Сампса решил отправиться в Хельсинки, чтобы подготовить к лету свой магазин. Госпожа Мойсандер, помогавшая Сампсе, собралась на пару недель в отпуск, и лавочку следовало на это время закрыть.

Госпожа Мойсандер, мать-одиночка, представляла собой более тяжелый случай, чем Анелма и Сиркка, вместе взятые. Она тоже состояла в неофициальных отношениях с Сампсой. Если такие отношения так же признавались бы обществом как законный брак, Сампса можно было бы обвинить в двоеженстве. Впрочем, его и так все время попрекали и пилили, он даже привык. Правда, иногда ему казалось, что Бог грома позабыл его, бросив в обществе сварливых баб.

Глава 2

Небеса дрогнули под весом финских богов, когда те в назначенный день собирались вокруг Бога грома. Было 27 июня, день Сампсы Пеллервойнена, время, когда начинает колоситься рожь.

В ярком свете Северного сияния Бог грома Укко восседал на царском троне посреди небесного зала, в голове у него красовалась Полярная звезда. Бог был одет в соболя, сапоги его украшал речной жемчуг, на носках которых сверкали ярко-красные родониты. В левой руке Бог держал жезл, на конце его играла беспокойная шаровая молния. Правая рука сжимала пучок длиннохвостых молний, они шипя испускали пахнущие озоном облака. Сам трон был сооружен из пушистых перистых облаков, на которых Богу грома было удобно и мягко сидеть.

Вокруг верховного правителя то и дело появлялись яркие всполохи, и его образ в виде звезд проникал сквозь облака. Люди, взглянувшие в этот вечер на звезды, становились немного странными.

За троном Бога грома восседала его жена Рауни. Она нарядилась в украшенную синими спектролитами шкуру волчицы, такие же камни обрамляли ее лоб и запястья. Одну руку она по-хозяйски положила на плечо Богу грома. На средний палец правой руки она надела кольцо с тем же красным камнем, что украшал носки сапог ее мужа.

Остальные боги прибыли на собрание под предводительством Илмаринена. Подошел Тапио со своей женой, Сампса Пеллервойнен, Пелто-Пекка, Ягряс, Ронкотеус и Виранканнос, показался Ахти под руку с Велламо. Из глубин подземного царства Хорны прибыли Лемпо и Турья со свитой водяных. Появилась Айяттарав в прозрачной золотой накидке. Последним подтянулся сын Бога грома – Рутья. И тут же распорядился, чтобы водяные следили за тем, чтобы шаровая молния и пучок молний ровно горели и не гасли от порывов ветра.

Следом за богами подоспели подземные гномы, они беспрестанно моргали слезящимися глазами при ярком свете. Вслед за ними прилетела стая эльфов – маленьких изящных девушек, наряженных в туманные шлейфы. В руках они держали волшебные палочки-веточки, в листве которых светились светлячки.

Пришли сосновники и домовые. Явились удивительные божества – Лиекке, Апяря и Ихти-риекко – духи и покровители убитых детей. Тихо подошел Пограничный страж и выбрал себе место в отдалении от трона Бога грома, на границе солнечного света и тени. За ним подтянулись Рекке, Коуко и Курко – покровители дураков и сумасшедших. Они пришли в обществе Кюопели и Юми, которые щурились от непривычно яркого небесного света, как и подземные гномы. Далее появился Тапио в сопровождении своего семейства – жены Нюкютяр, дочки Мююрикки и сына Нююрикки. За ними следовал робкий Хиттавайнен, вздрагивавший, как заяц, от каждого звука или резкого движения. Затем откуда ни возьмись образовался Паара с пачкой ценных бумаг в зубах.

Илмаринен, Бог мира и хорошей погоды, повелитель ветра, выступил вперед и подал знак.

И все боги запели высокими красивыми голосами:

О, великий Бог грома,
Восседающий в облаках!
Скажи свое слово,
Произнеси речь!

Бог грома встал и, подняв над головой шаровую молнию, прогрохотал:

– Я, Бог грома, старший из всех богов! И если кто-то в этом сомневается, я метну в него эту молнию!

Возможность получить удар молнией заставила присутствующих задрожать от страха, хотя все прекрасно понимали, что ничего подобного не произойдет, поскольку даже образно Бог грома не собирался никому угрожать.

Бог грома опустился на трон и кивнул Илмаринену, чтобы тот продолжал.

Илмаринен приступил к обзору божественной ситуации. Он еще раз обрисовал проблему, которая, собственно, и явилась темой сегодняшнего собрания: древняя финская религия в настоящее время находится в крайне плачевном положении. Особенно сильную власть за последние века получила христианская религия. Но и это не единственное зло, ведь на свете появилось множество атеистов и безбожников. И лишь редкие финны осмеливаются поклоняться своим истинным богам. На окраинах финской земли положение еще хуже. Ханты, манси и мари, проживающие на отошедших к Советскому Союзу землях, так просто полностью прониклись идеями социализма.

– Да и в пределах самой Финляндии социалистов хватает, – мрачно отметил Илмаринен.

По его оценке, поклонение чужим богам в Финляндии распространилось безмерно и бесконтрольно. В каждом финском селе стоит церковь, а в городах развелось безмерное число всяких молельных мест. Люди возводят огромные и дорогие храмы, устанавливают в них громкоголосые органы. А вокруг организуют кладбища. Да и финские деревни теперь вовсе не деревни, а церковные приходы – стыд какой! И хуже всего то, что на своих могилах финны устанавливают кресты – символ чужой веры! А если не крест, то большой камень или кусок гранита, на котором все равно выцарапывают крест, чтобы этот чуждый истинной вере знак сохранился на века.

Илмаринен сообщил, что финский народ проникся чужой и непонятной религией, которую принесли и насадили всего-то семьсот или восемьсот лет назад. И за такой короткий период финны начисто забыли исконную веру и истинных богов. Дошло до того, что в Финляндии стали петь так называемые вирши в честь чужой религии, молиться чужому Богу и его сыну Иисусу, писать книги, посвященные вопросам изучения чужой веры. А в финских университетах даже создали целые кафедры, якобы изучающие на научной основе иноземную религию и ее влияние на общество.

Когда же Илмаринен принялся обрисовывать ситуацию с поклонением исконным финским богам, у него задрожал голос.

– По всей Финляндии не найти алтаря, где совершилось бы достойное жертвоприношение в нашу честь не то что барана, но хоть какого-нибудь крошечного зверька. Покойников хоронят головой на восток, хотя испокон веков известно, что умерших следует класть в могилу головой к Полярной звезде! Давно в могилы перестали класть ценные и любимые вещи покойных, их теперь оставляют наследникам, которые на следующий день после похорон со скандалами делят имущество! Сосновые леса уничтожаются, по всей стране не найдешь и пары молодых насаждений сосняка. Люди перестали вытесывать из дерева божков. Их осталось совсем мало, да и те гниют где-нибудь в сарайах и на чердаках в лапландских деревнях. Старинные бубны и шаманские барабаны выставлены в музеях на обозрение зевак. Народ пьет много, но в честь Бога веселья Пелто-Пекки кружек с пивом не поднимает. В погоне за хмелем и наслаждением народ просто напивается допьяна.

Тут с места поднялся Ягряс, Бог плодородия:

– Хочу заметить, что финские девочки тоже не упускают своего, стремясь к плотским радостям. И ложатся с парнями в постель совсем в юном возрасте, лет в тринадцать.

Илмаринен горячо поддержал его, отметив, что молодежь занимается любовью не со священной целью продолжения рода, а лишь для плотских утех. Женщины пачками глотают противозачаточные таблетки и, не боясь забеременеть, резвятся в постели столько, сколько хватает

сил, даже не думая о том, что могут проломить кровати. Ихтириекко – покровитель убитых детей – в этом месте горестно вздохнул и схватился за сердце. Ему всегда становилось плохо, как только речь заходила о младенцах. Ведь, несмотря на то что детская смертность в Финляндии находится на низком уровне, детей с каждым годом рождается все меньше и меньше. А это безмерно расстраивало Бога плодородия.

Поднялся Бог грома.

Все замолчали.

– Сампса Пеллервойнен! Открой-ка Всемирную книгу религий и почитай нам о том, как обстоят дела у других богов, – приказал Бог грома.

Сампса вскочил. Открыв книгу, он принялся сыпать цифрами, из которых скоро стало ясно, что исконно финской религии на земле места нет.

– В мире живет около трех миллиардов человек. Из них финнов всего неполных пять миллионов...

Жена Бога грома Рауни не выдержала:

– И те в нас не верят!

Сампса продолжил:

– Большая часть жителей земли – христиане, их почти миллиард. Они, в свою очередь, делятся на католиков (600 миллионов), православных (130 миллионов) и протестантов (220 миллионов). Финны в основном, не считая небольшой части населения Карелии, относятся к протестантам. Вторая по величине религия мира – ислам. Мухаммеду поклоняются около 500 миллионов человек, индуистов примерно столько же, последователей Конфуция около 400 миллионов. Черт побери, еще эти... 200 миллионов буддистов, 70 миллионов приверженцев Шивы, 60 миллионов служат Дао, 15 миллионов иудеев и около 140 миллионов последователей Заратустры. Подумать только, последователей этого самого Заратустры в разы больше, чем тех, кто верит в нас! Безбожников и атеистов на земле более миллиарда. Сюда же я отнес все население Китая и Советского Союза.

Бог грома громко вздохнул и печально изрек:

– О мир, куда же ты идешь!

Взял слово Тапио. По его мнению, сегодня религию насаждают огнем и мечом. Особенно легко христиане хватаются за оружие, стремясь подчинить своей воле и распространить свою религию среди других народов. Он сказал, что, если финские боги хотят вернуть прежнюю власть, стоит, пожалуй, рассмотреть возможность вооруженных действий.

– Мы ни за что не станем насаждать свою религию огнем и мечом. К тому же среди нас нет Бога войны. Ведь никто из наших водяных или земляных гномов пока не собирается воевать, – ответил Илмаринен, указывая на столпившихся у трона гномов.

Те, услышав, что речь зашла о них, испуганно зашевелились.

Может, кто-то из присутствующих поддержал бы идею вооруженного насаждения религии, но Бог грома однозначно выступил в поддержку Илмаринена. И жестко сказал, что лучше пусть истинная финская религия начисто исчезнет с лица земли, чем он согласится связывать военный конфликт.

Больше эта тема не поднималась.

Взял слово Ахти и рассказал, каким образом христианская религия распространилась во всем мире.

– Около двух тысяч лет назад на христианских небесах решили провести такое же собрание, как и у нас сейчас. И их Бог принял решение отправить к людям своего единственного сына, поскольку к тому времени вера в Старый Завет во всем мире несколько пошатнулась. Успех превзошел ожидания. Юноша, которого звали Иисус, стал символом всей религии. В конце концов, его распяли. Но, честно говоря, это небольшая плата за то, что христианство получило настолько широкое распространение среди миллионов людей. Кроме того, Отец-Бог

забрал его обратно на небеса, где он и поныне является повелителем Царства всех живых и мертвых. Собственно, название религии и произошло от “креста”, от того, на котором Иисуса распяли. Забавно, честно говоря… Если бы все случилось в наши дни, вряд ли его распяли бы. Скорее всего, он кончил бы свои дни на виселице или был бы расстрелян. И сейчас говорили бы не о христианском, а о виселичном или, например, расстрельном учении. И говорили бы не “христианский мир” и “Иисус Христос”, а “виселичный мир” и “Иисус Веревка”.

Тема вызвала живую дискуссию. Айаттара предложила по примеру христиан отправить на землю сына Бога, с тем чтобы он проповедовал истинную финскую веру. Ведь у Бога грома есть сын – Рутья! Или, может, стоит направить с этой миссией на землю богиню?

Многие из присутствующих поддержали мысль Айяттары. И вправду, почему бы не отправить Рутью увещевать заблудших финнов? Если у него и не получится вернуть народ в истинную религию, то он сможет хотя бы узнать побольше о современной жизни и нравах, а также поподробнее разузнать о традициях христианской религии.

– А если финны распнут Рутью на кресте? – спросил Илмаринен.

И о такой возможности следовало подумать серьезно. Рутью и вправду могли, например, повесить или расстрелять, всем хорошо известно, сколько народу на религиозной почве уже поубивали!

А что сам Рутья об этом думает? Он готов пойти или боится?

Бог грома внимательно посмотрел на сына. Годится ли он в божьи посланники на земле?

Рутья – здоровый, красивый, с густой лохматой шевелюрой, поднялся. Он был одет в огромную медвежью шкуру, на голове – большая сплетенная из перьев диких птиц шапка, на поясе – здоровая дубина.

Рутья взглянул на отца, обвел взглядом других богов и спокойно произнес:

– Я готов пойти куда угодно.

У Айаттары сверкнули глаза, и на мгновение ее лицо озарила тень легкой улыбки.

При виде этого у Руты забилось сердце, и он повторил:

– Куда угодно!

Сампса Пеллервойнен заметил, что в таком виде Рутью нельзя отпускать на землю. Он огромный, чересчур лохматый и выглядит совершенно несуразно для обычного земного человека. Люди, увидев его, испугаются, и вся работа по обращению в истинную веру пойдет насмарку. Или с перепугу его сразу лишат жизни, что тоже радикально нарушит планы богов. Ведь убили же Иисуса в свое время в Израиле, так какой смысл посыпать Рутью в Финляндию на верную смерть?

Ронкотеус предложил найти какого-нибудь подходящего человека, обменяться с ним телами и прийти в Финляндию в человеческом обличье. Ничего сложного в этом нет. Раньше боги сами ходили по земле, так что и в этот раз все должно получиться.

Бог грома поднялся со своего места и, вытянув руку вперед, указал на своего сына:

– Рутья! Отправляю тебя на землю для исполнения священной миссии. Живи там так, как и полагается сыну Бога грома, как бог и как человек. А когда закончишь работу, вернешься на небо и получишь в жены Айяттару. Но берегись, если запятнаешь мое имя! Я ударю тебя молнией, и ты сгоришь заживо!

Рутья опустился на колени перед Богом грома. Он склонил голову, принимая отцовское благословение, и в его взгляде блеснула слеза.

В честь завершения собрания боги спели:

О, великий Бог грома,
Восседающий в облаках!
Собирай Рутью в дорогу,
Отправляй в путь со святой миссией!

Собрание богов завершилось мощной грозой. Над всей Финляндией громыхало, сверкали молнии и лило, словно в День Эстер. Люди дрожали в страхе за свою жизнь. При этом накануне метеосводки ничего подобного не обещали.

На следующий день метеоролог Эркки Харьяма клялся перед телевизионной камерой, что такой погоды не было ни разу за весь период метеонаблюдений.

– Нам не удалось вовремя получить снимки со спутника…

Сампса Ронкайнен пережидал грозу в своем антикварном магазине на улице Большого Роберта. Небо над столицей беспрестанно вспыхивало от ярких всполохов, по тротуарам струились потоки воды, люди передвигались, перебегая от подъезда к подъезду, обесточенные трамваи безжизненно стояли на рельсах. Издалека доносился истеричный вой сирены “скорой помощи”.

Глава 3

Торговец антиквариатом Сампса Ронайнен проснулся около шести часов в задней комнате своего магазина. После дождя стояла прозрачная, словно промытая погода. Сампса тоже чувствовал себя свежим и отдохнувшим.

Он поднялся, сварил кофе, сделал пару бутербродов с сыром и развернул утреннюю газету. “Китайцы собираются увеличить высоту Великой Китайской стены”, “Собрание юмористов в Дортмунде”, “Президент участвовал в соревновании “Бег в мешках” в Ветели”, “Мнение матерей-одиночек об опасности гражданского брака”.

Почитав газету, Сампса принялся начищать тонкой наждачной бумагой купленную на прошлой неделе прялку. Старая, изготовленная по восточно-карельским традициям в конце XIX столетия, вещица требовала уважительного отношения.

Сампса всегда наслаждался спокойными утренними часами. Он знал, что в магазин к девяти придет госпожа Мойсандер и дальше день будет испорчен.

Он оборудовал магазин в бывшей четырехкомнатной квартире. Эта квартира давно, еще с начала века, находилась в собственности рода Сампсы. И прекрасно подходила под антикварную лавку. На той же улице располагалось еще несколько лавочек по продаже и покупке старых вещей, но магазин Сампсы выгодно выделялся на их фоне. Чистый и ухоженный, выставленная на продажу мебель аккуратно расставлена в зале и гостиной.

Комната для служанки и спальня, в которой Сампса обычно ночевал, когда приезжал в Хельсинки, использовались под склад. Раньше, лет десять назад, в этой комнате жила госпожа Мойсандер. Со временем она купила себе квартиру и уходила ночевать туда, поскольку считала, что невозможно находиться в магазине двадцать четыре часа кряду.

На самом деле госпожа Мойсандер вовсе не была никакой госпожой. Это была просто мать-одиночка, которой так и не удалось выйти замуж. Разумеется, она иногда предпринимала попытки в направлении построения личной жизни, иногда очень даже активные, особенно учитывая то, что у нее на руках имелся внебрачный ребенок. Давно, лет пятнадцать назад, она и в самом деле оказалась в затруднительной ситуации. Узнав о беременности, отец ребенка исчез в неизвестном направлении. Ни для кого не секрет, как тяжело в одиночку воспитывать ребенка в большом городе.

Двенадцать лет назад госпожа Мойсандер появилась на пороге антикварного магазина Сампсы, держа за руку мальчика лет пяти. Она спросила, есть ли у него поддержанная кушетка. Таковой не оказалось. Самая дешевая кровать, выполненная в густавианском стиле, находилась у Сампсы в спальне и стоила столько, сколько эта Мойсандер и в глаза никогда не видела.

Сампса пожалел бедную женщину и ее ребенка, который беспрестанно что-то лопотал и кашлял, как чахоточный. Он пообещал найти подходящую вещь и велел зайти через пару дней.

В течение следующих нескольких дней Сампса, будто сумасшедший, искал по всему Хельсинки подходящую кровать, но так и не смог найти. Попадались кровати с пружинными матрасами, бесчисленное количество односпальных диванов, но ни одной кушетки. Тогда он решил заказать ее в мебельном магазине. Когда кушетку доставили в антикварную лавку, Сампса распаковал ее и натер наждачной бумагой, чтобы придать поддержанный вид. Он ни за что никому не признался бы, что купил новую вещь, чтобы выполнить обещание, данное незнакомой женщине. И, когда госпожа Мойсандер пришла снова, Сампса предложил свою машину, чтобы отвезти покупку к ней домой.

Выяснилось, что госпожа Мойсандер живет рядом, за углом, на улице Красной Горы. Так что нужды пользоваться машиной, в общем-то, не было. Она сказала, что без проблем сама донесет кушетку домой. Если Сампса любезно позволит мальчику подождать матеря в магазине...

Однако Сампса непременно хотел помочь. Мальчика усадили на кушетку и, подхватив ее с двух сторон, Сампса и мать-одиночка вместе потащили покупку из антикварного магазина на улицу Красной Горы.

Проходя мимо ресторана “Канну”, что в переводе с финского означает “Кувшин”, идущая сзади госпожа Мойсандер споткнулась и растянулась на земле. Край кушетки выпал у нее из рук, мальчик свалился сверху на мать. Сампса не удержал свой край, и тут передняя ножка злосчастной кушетки обломилась и ударила лежащую на земле госпожу Мойсандер в подбородок так, что выбила челюсть. Мальчик орал в голос, у женщины из носа потоком лилась кровь, от боли она не могла вымолвить ни слова.

Швейцар ресторана вызвал “скорую”, но, когда она прибыла, врачи отказались везти госпожу Мойсандер в больницу, поскольку при травме носа и челюсти больная вполне в состоянии добраться до больницы самостоятельно. Отказ везти ее в больницу привел госпожу Мойсандер в неописуемую ярость. Она принялась кричать на врачей, и от этого челюсть встала на место.

“Скорая” уехала. Сампса прислонил кушетку к стене ресторана и предложил госпоже Мойсандер кружку пива, а мальчишке мороженого.

После пяти порций мороженого и еще большего количества кружек пива было решено продолжить путь. Однако обнаружилось, что, пока Сампса утешал несчастную мать-одиночку пивом, кушетку сперли. Несмотря на это обстоятельство, госпожа Мойсандер пригласила Сампсу зайти к ней.

Выяснилось, что они с сыном проживали в убогой съемной комнатушке в последнем доме на этой улице. К несчастью, хозяйка была дома и, учуяв запах пива, подняла несусветный крик, упрекая госпожу Мойсандер в том, что она нарушает все договоренности, пьет среди бела дня и приводит мужчин, хотя не имеет права даже курить в комнате.

Сампса ретировался. Через мгновение выскоцила госпожа Мойсандер, держа на руках орущего мальчишку и яростно шмыгая носом. У дамы были все основания выйти из себя: у нее не было ни денег, ни жилья, ни даже кушетки. К тому же нестерпимо болела челюсть.

Разумеется, Сампса не мог оставить на улице бедняжку с ребенком и пустил их жить в заднюю комнату антикварного магазина. А когда он пригласил ее помочь в магазине, госпожа Мойсандер поняла, что жизнь стала налаживаться. Сампса был не в состоянии обойтись без помощника, ведь ему требовалось немало времени для ведения хозяйства в “Ронкайле” и к тому же приходилось ездить по всей стране в поисках интересных вещичек.

Как-то незаметно случилось так, что, когда Сампса оставался ночевать в магазине, утром он обнаруживал себя в одной кровати с госпожой Мойсандер. Так продолжалось несколько месяцев, а потом вдруг госпожа Мойсандер решила, что таким образом она подвергается страшному унижению и оскорблению.

И Сампса, который считал себя благодетелем, оказался негодяем. Мерзавцем, который бессовестно пользуется попавшей в тяжелое положение женщиной. С годами госпожа Мойсандер плотно прибрала к рукам хозяйство Сампсы в масштабах антикварного магазина. Она утверждала, что Сампса разрушил ее жизнь, однако, когда тот предложил ей собрать вещички и уйти, госпожа Мойсандер подняла совершенно невообразимый скандал.

Выяснилось, что она профессиональная истеричка. Дама сумела повернуть дело так, что с течением времени Сампса уже не очень понимал, кто настоящий владелец магазина – он или его помощница.

Однажды Сампса все же решил избавиться от гнета, уволил госпожу Мойсандер и выбросил ее вещи за дверь... Это ввергло женщину в бурную истерику, она выскоцила на улицу и выла там так, что Сампса был вынужден позвать ее обратно. Госпожа Мойсандер пригрозила, что, если он предпримет еще хоть одну попытку выставить ее, она уйдет жить в сумасшедший дом. Кстати, выяснилось: до того как попасть к Сампсе, госпожа Мойсандер действительно

состояла на учете в сумасшедшем доме. Сампсу бросило в дрожь, стоило ему представить, как госпожа Мойсандер рассказывает врачу, что тронулась рассудком после жестокого увольнения.

Госпожа Мойсандер вела в магазине бухгалтерию и делала это столь небрежно, что, в конце концов, Сампса начал бояться попасть в тюрьму из-за огромного количества неправильно оформленных счетов и неуплаченных налогов. Госпожа Мойсандер воспользовалась этим и путем бессовестного шантажа выбила себе повышение заработной платы. В итоге все закрутилось таким образом, что Сампса оказался во власти госпожи Мойсандер. А когда ее сыну исполнилось восемнадцать, Сампсе пришлось купить ему подержанный мотоцикл. Если бы он не сделал этого, госпожа Мойсандер позвонила бы в налоговую полицию и заявила бы, что Сампса не платит налог с оборота.

И все же Сампса безмерно любил свой магазин. Он обожал старинные вещи, с особым удовольствием собирал предметы обихода и обстановку имперских времен. В его коллекции было немало мебели густавианского периода и в стиле модерн. Особенно он любил собирать гарнитуры. Иногда на то, чтобы найти и привезти предметы из одной коллекции, уходило два или даже три года. В магазине было представлено, и немало, мелких вещей – стекло, фарфор, предметы крестьянского быта. Одних только прялок в магазине было более двухсот. Ни один из его конкурентов не мог похвастаться подобным количеством этих раритетов. К тому же все они находились в прекрасном состоянии, ими можно было пользоваться.

Обычно госпожа Мойсандер прибывала на работу часам к десяти. Это была тощая, одетая в серые одежды женщина с блеклой косметикой на лице.

Войдя, она швырнула на вешалку серую шляпу и крикнула Сампсе:

– Боже, как же здесь воняет сыростью и пылью! Терпеть не могу этот заплесневелый хлам!

Сампса не удосужился ответить. Совершенно бесполезно говорить ей, что, раз уж она так не любит этот старый хлам, может устроиться на другую работу. Нет, о такой альтернативе она никогда всерьез и не задумывалась. Просто госпоже Мойсандер надо было кого-нибудь ненавидеть.

– Ох, тяжела жизнь матери-одиночки, – продолжила она нытье, заходя на кухню. – Конечно, тебе этого не понять, ты никогда не брал на себя ответственность за других...

Сампса не удержался и ответил, что теперь, когда ее сыну исполнилось восемнадцать и он вовсю гоняет на купленном Сампсой мотоцикле, госпожу Мойсандер вряд ли можно продолжать считать матерью-одиночкой.

– Материнская ответственность не заканчивается никогда, – ответила госпожа Мойсандер, расчесывая прямые жидкие волосы.

Сампса представил, что если эти волосы густо побрызгать лаком, свернуть в пучок и воткнуть туда вязальную спицу, зрелище получится впечатляющим. А если еще монокль в глаз вставить, даму впору выставлять в витрине антикварного магазина с табличкой: «Мать-одиночка в стиле фанк. Экземпляр в хорошем состоянии. Стервозность гарантирована».

– Вчера позвонил налоговый инспектор. И я подумала, что в этом году, пожалуй, ты должен дать мне более длинный отпуск.

Сампса не понял, как эти вопросы связаны друг с другом.

– Он сказал, что ты продаешь товар мимо кассы. Что скажешь?

«Ты продаешь». Сампса давно ничего особенно не продавал, антикварный бизнес многие годы шел не слишком бойко, хорошо, если удавалось покрыть затраты на закупку. В магазине хозяйничала госпожа Мойсандер, она же фактически и занималась всеми продажами. Сампса привык, что в это время года она традиционно доставала из кармана козырного валета – налогового инспектора. Сейчас на кону стоял отпуск.

Сампса вздохнул.

– Ты же и так отыхаешь шесть недель летом и неделю – зимой. Разве мало? У нас нет особых прибылей, мы не торгуем дорогим товаром, сама знаешь...

Госпожа Мойсандер кивнула в сторону роскошного дивана в стиле ампир:

– Продай эту рухлянь и заработаешь!

– Ни за что! – всхлипал Сампса. – Можно подумать, ты не знаешь – этот диван составляет основу коллекции! Что нас ждет, если мы за пару лет не соберем всю коллекцию? Я разорюсь, а компания обанкротится!

Тогда госпожа Мойсандер переключила внимание на деревянную статуэтку, стоящую в центре комнаты. Она была из красного дерева и изображала странное косоглазое существо с перекошенным усмешкой ртом.

– А это что за урод?

– Древний божок.

– Божок? Что еще за божок? Он в каком стиле сделан? Это модерн?

Сампса даже не удосужился ответить. Он едва переносил неграмотность госпожи Мойсандер. Ему стоило немало сил научить ее отличать основные направления и стили. Его помощница безбожно путала ампир и ренессанс, уж не говоря о функционализме и модерне.

– Статуэтка не продается, я заберу ее с собой.

– Вот и отлично. Очень рада, что мне не придется торговать этими дровами.

Сампса завернул статуэтку в бумагу и отнес в машину. Он с тяжелым сердцем сел за руль и отправился за город. Налоговый инспектор и вправду мог нагрянуть в любой момент. Похоже, магазин стоило закрыть на лето, пока туда не сунул нос какой-нибудь проверяющий.

Глупо было ехать в “Ронкайлу”, где его ждали Анелма и Сиркка с “братьем”, но и в городе из-за госпожи Мойсандер оставаться не хотелось. Сампса тяжело вздохнул, задумавшись о своей жизни. Тяжело… здесь болото, там овраг…

Ни с того ни с сего Сампса принялся воображать, что случится со всеми этими людьми после смерти, когда они попадут в Туонелу. Вот тогда-то, наконец, и свершится последнее правосудие. Женщин посадят на плот и пустят вниз по порогам смертной реки в сторону Хорны. Сампса совсем не возражал бы, если бы кто-нибудь из правителей Хорны отправил этих баб, а заодно и “брата” в огненную бездну. Или, например, пусть бы им пришлось влечь жалкое существование в подземельях Туонелы и утолять жажду теплым потом водяных, а голод – лягушачьими испражнениями.

От этих мыслей у Сампсы улучшилось настроение и в “Ронкайлу” он приехал значительно повеселевшим. Сампса припарковался у основного здания усадьбы, вытащил божка и отнес в библиотеку, в которой проводил почти все свободное время.

Сампса снял с божка оберточную бумагу, поставил на стол и принялся раздумывать, что бы с ним сделать. Ну, например, можно с ним поговорить.

Божок был родом из Киттилы, с берегов озера Палласярви, его сотворил неизвестный лапландец. Сампса задумчиво рассматривал статуэтку. Ценное старинное изображение какого-то бога. Во много раз более дорогая вещь, чем какие-нибудь уворованные из царских запасников иконы, которые контрабандой ввозили в Финляндию и втемную толкали любителям. Да, но за этого божка ему вряд ли удастся выручить много денег. Такой товар сейчас не слишком пользовался спросом, хотя это была целая статуэтка настоящего бога, а не просто картинка вроде иконы.

Глава 4

Почесав в затылке, Сампса снова взглянул на статуэтку. Что с ней делать, куда поставить? Наверное, для начала стоит обработать защитной краской, чтобы дерево не рассохлось окончательно.

В комнатах наверху хранилось много разного хлама. Полтора десятка прялок, дюжина сломанных веретен, столы без ножек, стулья с продавленными сиденьями или вообще без оных, разбитый фарфор… в общем, огромное количество вещей, которые терпеливо ждали своего часа. Сампса любил сам приводить их в порядок. Каждый раз, отреставрировав какую-нибудь вещицу, он клал ее в багажник машины и отвозил в магазин в Хельсинки. Если требовалось перетянуть мягкую мебель, Сампса отвозил ее в мастерскую Олари. Сам он не умел перетягивать мебель, но с удовольствием делал остальную работу – счищал старую краску, покрывал лаком, приклеивал отвалившиеся перекладины и планки.

Божок с кривой усмешкой рассматривал Сампсу и старую мебель вокруг. Сампса тоже смотрел на божка. Тот не вписывался в груду предназначенного на продажу хлама – уж слишком был похож на человека. Усмехаясь, он словно говорил Сампсе: “Да плюнь ты на эту госпожу Мойсандер, а заодно на Анелму и Сиркку с ее “братьем”. Древние божки – они такие, они всегда знают, какие мысли бродят в головах их владельцев. А если бы у них не было таких способностей, зачем бы они были нужны? Зачем вырезать из дерева существо, которое ничего не понимает?

Сампса чувствовал, что его жизнь зашла в тупик. К осени антикварный магазин, скорее всего, придется закрыть. И тогда доходы иссякнут. Волей-неволей надо будет продавать “Рон-кайлу”. Ну, может быть, не всю усадьбу, но наверняка не один десяток гектаров леса. Останется основное здание, новые постройки, Анелма, Сиркка…

Сампса тяжело вздохнул. Он выглянулся из окна библиотеки и увидел привычную картины – разросшийся клен. Иногда он часами молча сидел у окна, зачарованно глядя на подрагивающие ветви дерева.

Из столовой донесся звук призывного гонга. Но Сампсу этот гонг к обеду не приглашал. Хозяин усадьбы жил в собственном ритме и никогда не ел вместе со всеми, лишь периодически, словно старый холостяк, находил что-нибудь съедобное в кухонных шкафах и утолял голод. Анелма била в гонг, когда ей хотелось поговорить с Сампсой. Сама она, боясь привидений, не приходила в старую часть дома. Она била в гонг до тех пор, пока Сампса, потеряв терпение, не распахивал окно библиотеки.

Вот и сейчас она крикнула ему:

– В следующие выходные мы собираемся организовать садовую вечеринку! Я уже подготовила список покупок. Когда поедешь в город, зайди в магазин и все купи.

Анелма положила лист бумаги на перила веранды и поставила сверху блюдце, чтобы его не унес ветер.

В ответ Сампса крикнул, что ему не нужна вечеринка, к тому же у него нет на нее денег.

– Так продай немного леса! Мы уже разослали приглашения! Будь добр, привези из города все необходимое.

Сампса закрыл окно. Так всегда. Ему отдают мерзкие приказания и ждут безропотного послушания.

Как бы там ни было, Сампса сел и начал прикидывать, во сколько обойдется вечеринка. Пятнадцать бутылок красного вина, пиво, всевозможные салаты, сыры, колбасы, сладкое… получится больше, чем на пятьсот марок. И самое плохое – выходные окажутся убиты. Во дворе будет толкаться масса незнакомого народа, повсюду не переставая захлопают двери, из-под каждого куста будут раздаваться пьяный хохот и разговоры, заорет музыка…

На этот раз Сампса решил купить самого горького красного вина, которое только сможет найти. А если раздобыть где-нибудь безалкогольного вина? И добавить туда пару ложек растительного масла – тогда вместо вечеринки Анелма со своими гостями все время проведет в туалете!

Сампса решил отнести божка в лес к тому же обломку скалы, где отец преподал ему первый урок поклонения Богу грома. С тех пор Сампса считал камень своим и иногда, когда все вконец надоедало, устраивал там ритуалы в честь личного бога. Разводил небольшой костер, поджаривал какую-нибудь еду, разливал водку и слизывал огненный напиток с камня. После этого на душе всегда становилось хорошо.

Сампса завернул статуэтку в бумагу, сунул в нагрудный карман маленькую бутылку виски и вышел.

Он направился к лесу.

На поле работал красный трактор. За штурвалом сидел сосед. Звали его Нюберг, он уже много десятков лет арендовал и возделывал, как свои собственные, поля “Ронкайлы”. На этот раз он, похоже, разбрзгивал пестициды: сзади на тракторе висел пластиковый бак, из которого рассеивалось облако мутной жидкости.

Рыжему жилистому Нюбергу было около шестидесяти. Он был остор на язык и поговаривали, будто на его совести много человеческих жизней: в войну он служил охранником в лагере для военнопленных.

Нюберг всегда сторговывал цену на аренду до упора вниз, жалуясь, что поля уже не такие плодородные, как во времена старого хозяина “Ронкайлы”. И как-то постепенно, с годами, он стал одним из самых зажиточных жителей деревни. Сампса хотел бы сдать поля кому-нибудь еще, но Нюберг не позволял, говоря, что это он привел землю арендодателя в отличное состояние и, если Сампса так поступит, дальше они будут встречаться исключительно в суде.

Сампсе не хотелось видеться с соседом. Он уже двинулся к лесу, когда Нюберг, заметив его, повернул трактор. Соответственно ему пришлось ждать, пока Нюберг подъедет, вылезет из кабины и подойдет ближе.

– Черт побери, Сампса, это ты? Рад тебя видеть! Как дела, как бизнес по продаже старых прялок и веретен? – хохотнул сосед, протягивая руку. – Слушай, я тут подумал, что тебе, пожалуй, надо проложить трубы. Сейчас, знаешь ли, невыгодно арендовать поля, на которых отсутствует отводная система.

Сампса прекрасно понимал, что у него нет средств для прокладки труб. И тихо ответил Нюбергу, что, если того не устраивает обычное поле, он может взять в аренду поле с нужными ему трубами – в другом месте.

– Слушай, Сампса, не морочь мне голову. Я, между прочим, тебе хороший совет даю. Сделай, как я говорю, иначе к лету все твои поля зарастут.

– Может, и так, – согласился Сампса. – Но у меня нет денег заниматься мелиорацией.

Тогда Нюберг переключился на другие темы. Он принял рассказывать, чем собирается заняться после сбора урожая.

– Займусь полями вдоль реки. Давай осенью поставим здесь новый барабан? Ты купишь колеса, а я все смонтирую. Да, кстати, я тут прошелся по твоему лесу. Слушай, мне скоро понадобится хорошая древесина, хочу увеличить свинарник. Я отметил несколько стволов. Думаю взять их у тебя по дешевке, что скажешь? Давай как-нибудь вместе прогуляемся, я покажу…

– Да я, в общем-то, не собирался лес продавать.

Нюберг расхохотался, словно Сампса рассказал хороший анекдот.

– Разве я что-то говорил о покупке? Да ладно, мы ничего не расскажем налоговому инспектору! Я ночью потихоньку отнесу их на лесопилку. Мы просто учтем это, когда в сле-

дующий раз будем об аренде договариваться. К тому же ты всегда можешь брать картошку из моего погреба. Не волнуйся, дорого с тебя не возьму!

Сампса быстро сообразил, что Нюберг пытается выхлопотать древесину для свинарника в обмен на пару ведер гнилой картошки. До чего же ловкий тип! Не удивительно, что именно таких типов нанимали охранять заключенных в лагерях, где они за малейшую провинность частенько забивали людей до смерти.

Сампса вспомнил отца Нюберга. Тот был хорошим мужиком, в тридцатые годы поменял свою шведскую фамилию Нюберг на финскую Уусимяки. А сын почему-то решил жить со шведской фамилией. Интересно, потомки вернутся к Уусимяки?

Тут Нюберг заинтересовался свертком в руках у Сампсы.

— Что в пакете? Прялка или веретено?

Сампса замялся. Если признаться, что деревянный божок, это вызовет кучу вопросов. Что за божок? Куда идешь? Зачем взял его с собой? А если, например, сказать, что это труба мелиоративной системы, Нюберг вообще надолго пристанет. Зачем завернул трубу в бумагу? Она какая-то секретная, ее нельзя показать соседу?

— У меня здесь деревянный божок. Ладная статуэтка, хоть и из необработанного дерева.

Нюберг почесал в затылке. Затем твердо заявил, мол, хорошо, что божок. В любом доме надо иметь своего Божка.

— Ладно, подумай пока над моей идеей с мелиорацией. К следующей весне точно надо... Заплатишь, я все как следует сделаю. Посторонних-то нанимать не стоит.

Нюберг влез на трактор, запустил мотор и снова принялся распускать ядовитые пары над полем.

Сампса прошмыгнулся по тропинке в лес и быстро зашагал по известной ему тропинке вглубь чащи к памятному камню. Дойдя до него, развернулся божка, поставил на обломок скалы, как на пьедестал. Затем набрал сухих веток, сложил на камне, поджег оберточную бумагу и запалил костерок. Переставил божка подальше от огня, достал из кармана бутылку виски и, наклонив, принялся лить на пламя золотистую жидкость. Послышалось легкое шипение. Остатки виски Сампса вылил на раскаленный камень, с которого оно тонкими ручейками стекало на землю. Сампса встал на колени и, приблизив лицо к раскаленному камню, принялся слизывать горячую ароматную жидкость. Периодически Сампса бросал взгляд на стоящего поблизости божка, думая, что, наверное, это сейчас его единственный настоящий друг. Хотя бы потому, что не пристает с просьбами и не требует денег.

Вскоре пламя погасло, виски впиталось в землю, и, таким образом, ритуал закончился.

Сампса опустился на траву. В голову пришел Нюберг. Закончив распылять яд, он наверняка отправится в магазин и, купив пару бутылок пива, тут же откупорит одну и выпьет прямо у кассы. И начнет громко рассказывать, мол, встретил Ронкайнена и – ха! Только представьте себе, он тащил в лес какого-то божка. «Чудной мужик все-таки! Если бы у меня была такая усадьба, я бы не ковырялся со всякими старыми прялками. Ну, да пусть делает, что хочет, это вообще не мое дело! Просто хочу сказать, что ему, черт возьми, давно пора привести в порядок усадьбу!»

После этого в магазине начнут болтать про то, как плачевно обстоят дела в усадьбе. Не оставят без внимания халат Анелмы, безделье Сампсы, пройдутся по предстоящей вечеринке и всему остальному, что привлекало внимание деревни. «Я считаю, эти вечеринки нужны лишь для того, чтобы налакаться на халаву да девок пощупать», – точно скажет кто-нибудь из местных. В завершение разговор перейдет на личную жизнь Сампсы и его гражданскую жену:

«Интересно, эта художница хоть раз дала хозяину?»

Такие речи не раз доходили до ушей Сампсы. Он особо к ним не прислушивался, но все равно было неприятно, ведь в мире и без дурацкой болтовни жить непросто. Иногда Сампса развлекался, воображая, что было бы с деревней, если бы на нее упала нейтронная бомба.

Она мгновенно убила бы всех деревенских, Анелму с Сирккой и вообще всех живых существ в этой местности. Дома и вещи остались бы в целости и сохранности, а тела сгребли бы в кучу и увезли. Через деревню проехала бы колонна похоронных машин, и в каждой лежал бы труп. Длинная траурная процессия растянулась бы на много километров, черные машины медленно увозили бы тела к месту последнего пристанища. И в деревне воцарилась бы долгожданная тишина. А в живых остался бы только Сампса и деревянный божок, которому нейтронная бомба никак не смогла бы навредить.

Если пофантазировать дальше – было бы неплохо сбросить бомбу на Хельсинки в районе Красной Горы, да и в принципе разбросать их по всей Финляндии. Если вымрет маленький злобный и жадный народ, мир лишь вздохнет с облегчением. Ха! А пустые города и деревни поведают о том, что когда-то здесь жили люди, которых, к счастью, больше нет. Вместе с ними в могилу уйдет их скучная культура. Черт возьми, нет даже ни одного более или менее приличного спортивного результата, который подарила бы миру эта страна …

Сампса погладил божка по серому деревянному затылку. Статуэтка с одного бока была еще теплой от костра, а с другого немного влажной и казалось, что под рукой живое существо.

Сампса произнес:

– Пожалуйста, помоги мне!

Божок усмехнулся. Он не произнес ни слова, но на его ухмыляющейся физиономии словно было написано, что ему можно доверять.

В задумчивости Сампса принял напевать песенку, которую помнил с тех времен, когда они с отцом ходили к этой скале:

О, великий Бог грома,
Восседающий в облаках!..

В этот момент скала дрогнула, из-под земли донесся громкий рокот и грохотание, а в небе, прямо над головой Сампсы, что-то ослепительно сверкнуло и ударило гром. К подножию сосен с шипением упала шаровая молния и заметалась по земле, словно в поисках места, где можно остановиться. Огненный шар подкатился к ногам Сампсы, на мгновение замер и взорвался, рассыпав вокруг тысячи огненных искр.

И там, где еще пару секунд назад метался желтый шар, возник огромный мужчина в накинутой на плечи медвежьей шкуре.

Это спустился с небес Рутья, сын Бога грома. Он пришел в Финляндию с миссией.

Глава 5

Рутья, большой красивый грозный Бог, стоял на скале, держа в руках деревянного божка. Сильно пахло озоном. Сампса потрясенно смотрел на Бога. Что это за чудо возникло перед ним, кто это огромное существо, появившееся с таким грохотом?

Рутья дружелюбно протянул руку:

– Я сын Бога грома, Рутья. Не бойся.

Но Сампсу тряслось от ужаса. Ничего подобного с ним еще не происходило, даже в самых страшных снах. Сначала захотелось дать деру, но потом он подумал, что это может разозлить волосатого пришельца. Сампса не знал, что делать: убежать или броситься ему в ноги с мольбой о пощаде. Интересно, это существо – человек?

Рутья опустился на обломок скалы и жестом пригласил Сампсу последовать его примеру. Они долго, не менее четверти часа, молча сидели друг напротив друга. Рутья решил, что человеку надо дать время прийти в себя и успокоиться.

А Сампса судорожно размышлял. В страхе он смотрел на Рутью, но поскольку тот не делал ни малейших попыток приблизиться, Сампса начал успокаиваться.

Прошло немало времени, прежде чем Рутья встал.

– Должно быть, ты – Сампса Ронкайнен, – произнес он глубоким спокойным голосом.

Сампса нервно кивнул, словно подтверждая: “Да, я и в самом деле Ронкайнен”.

– Отлично! Если ты немного успокоился, мне, наверное, следует тебе рассказать, что все это значит.

И Рутья поведал Сампсе, что на небесах и сейчас обитает множество исконно финских богов и что его отправили на землю выяснить, как обстоят у финнов дела с религией.

– С недавнего времени финны перестали поклоняться исконным богам и меня отправили сюда, чтобы я помог вам вернуться к настоящей вере.

Он упомянул, что один из богов, Сампса Пеллервойнен, уже много лет слышит молитвы земного Сампсы, он-то и рекомендовал Рутье обратиться именно к нему.

– Я явился на землю еще вчера, но ты был в Хельсинки в своем магазине. Если бы я явился в магазин, он сгорел бы дотла. Поэтому хорошо, что тебе пришло в голову отправиться в лес. Это здорово облегчило мою задачу. Понимаешь, не так легко спуститься с небес на землю, особенно сейчас, когда народ в основном живет в больших каменных домах. Если бы я явился в такой дом, там рухнули бы стены, пострадала бы масса народа.

Сампса мысленно приказал себе успокоиться. Холодным рассудком еще можно как-то осознать, что он стал свидетелем прихода на землю Бога.

Это было что-то невероятное. Стоило Сампсе начать всерьез думать о том, что произошло, как голову словно сжимало стальным обручем. В свое время Якову во сне явился ветхозаветный Бог, так у него потом начались проблемы с рассудком. А Сампса узрел Бога наяву, так что неудивительно, что он был потрясен.

Рутья присел на землю рядом с Сампсой.

– Финны, как ты знаешь, поклоняются Иисусу, – проникновенно произнес Рутья. – А ты? Ты веришь в меня?

Сампса незамедлительно признал, что он верит в то, что Рутья – Бог. На самом деле ему хватило бы и десятой доли молний и грома, чтобы он изо всех сил поверил в божественное происхождение сидящего рядом мужчины. Рутья может даже не сомневаться. Отец обучил Сампсу вере в истинных финских богов. Он всю жизнь только им и молился, вот, как раз только сейчас, на этом камне он разжег костер, поставил рядом старого лапландского божка – и вылил в огонь виски…

Сампса поднял с земли пустую бутылку, протянул Рутье и сказал:

– Вот, понюхай. Целую бутылку пожертвовал!

Рутья с довольным видом выслушал объяснения Сампсы. Неплохое начало для выполнения миссии по возвращению финской нации в исконную веру. А затем объявил, что собирается заключить с Сампсой договор, согласно которому они на время обменяются телами, Сампса передаст Рутье все, что находится у него в собственности, и обязуется помогать во всех начинаниях. Когда же Рутья решит принять прежний облик, он возвратит все хозяину. В завершение сын Бога грома пообещал, что, когда придет время, в потустороннем мире Сампса будет вознагражден.

В знак совершения сделки Рутья сообщил, что шаманский ритуал по обмену телами будет совершен сейчас же прямо здесь.

Сампса пытался возражать, он, мол, не очень подходит на эту роль – слабый, безвольный, к тому же весь в долгах... Может, Рутье поискать более достойную кандидатуру? И пообещал, что начиная с сегодняшнего дня будет вести исключительно скромную и тихую жизнь...

Рутья отрицательно потряс головой.

– Не волнуйся, ты мне вполне подходишь! Обычный человек, как и остальные финны. Мелковат, конечно, но ничего, я попытаюсь влезть в твою шкуру.

Рутья смерил Сампсу взглядом. Щуплый, ниже среднего роста, он был значительно меньше Рутьи. Да, обмен будет нелегким... Придется напрячься.

И Рутья принялся обучать Сампсу:

– Возьми в руки божка. Держи перед собой, потри руками, а потом начни с ним разговаривать. Чем громче, тем лучше. Чем сильнее ты будешь орать, тем быстрее мы войдем в нужное состояние.

Сампса послушно последовал приказанию Рутьи. А Рутья взобрался на большой камень и принялся, раскачиваясь и подпрыгивая, исполнять шаманский танец. Он топал ногами, взмахивал руками, выкрикивал непонятные заклинания. Постепенно камень начал раскаляться, в воздухе запахло озоном.

Глядя на Рутью, Сампса завопил еще громче, с восторгом ощущая, как его тело становится легким и сильным. Он влез следом за Рутьей на камень и принялся вместе с ним отплясывать безумную польку. Древний божок стоял между ними. Знакомая ухмылка исчезла с деревянного лица. Он смотрел на происходящее с серьезным, грозным видом.

Скала задрожала, мир поплыл у Сампсы перед глазами. Внезапно Рутья схватил Сампсу, заключил его в крепкие объятия, прижался заросшим ртом к его губам и начал поедать его. Казалось, две огромные змеи пожирают друг друга. Ужасное действие длилось более получаса. Это было одно из самых удивительных превращений, которые когда-либо происходили в земном мире. Рутья съел Сампсу. Сампса проглотил Рутью. Произошел обмен телами, насилиственное взаимопревращение.

На камне, тяжело дыша и вытирая пот, появились двое мужчин, Рутья и Сампса. Финн и его Бог.

Сампса с удивлением оглядел себя. Теперь он был в облике сына Бога грома – большое волосатое тело, медвежья шкура на плечах, огромная шапка на голове. В руке тяжелая дубина, на ногах – просмоленные лапти. Странное и чудное ощущение. Он устал, но страх ушел. Он чувствовал себя смелым и сильным, гордым и крепким. Впервые в жизни он ощущал себя ровней богам.

Рутья застегнул на себе штаны Сампсы Ронкайнена. Свитер был тесен в плечах. Он чувствовал себя маленьким и слабым по сравнению со своим недавним телом, но в голове, как у всех людей, резво забегали мысли. И голос изменился. Он уже звучал не так громко и зычно, как недавно, на берегах Туонелы.

– Что, неплохо получилось, хоть и тяжело пришлось... Земные женщины говорят, что рождение нового человека – тяжелая работа. Интересно, что бы они сказали, если бы только

представили, каково это – проглотить взрослого мужчину и потом родить его. Вот это правда непросто!

Сампса поспешил перейти к практической части:

– У меня антикварный магазин, поместье... Но в таком виде невозможно выйти к людям. Они испугаются, схватят меня, отведут в тюрьму или сумасшедший дом.

Рутья ответил, что именно по этой причине им и пришлось поменяться телами. В обличье бога нельзя показываться людям. Так что начиная с этого момента Рутья несет полную ответственность за жизнь и все дела Сампсы, за поместье и за магазин. А Сампса может отдохнуть. Важно, чтобы он на какое-то время исчез и дал Рутье возможность действовать.

– Не беспокойся. Уж одного финна я смогу заменить без особых проблем.

Сампса заверил Рутью, что его заменить будет совсем несложно. И он даже рад, что все произошло так. Теперь он в свое удовольствие сможет сосредоточиться на реставрации и ремонте антикварной мебели. К тому же появится время читать хорошие книги, отдыхать, путешествовать и не торопясь думать о жизни. В сущности, ему повезло, что он встретил сына Бога грома.

Сампса поинтересовался, почему Рутья выбрал столь тяжелый способ прихода.

Рутья рассказал, что на небе долго думали, выбирая способ явления бога на землю. Размышляли, не подсадить ли его в виде зародыша в матку какой-нибудь женщины, доставив его туда с помощью разряда молнии. Но метод, используя который когда-то пришел на землю Иисус, слишком долгий и ненадежный.

– Ведь Иисус сначала родился в семье какого-то плотника, а потом, как и полагается обычному ребенку, вырос. И приступил к выполнению своей миссии лет в тридцать, верно? Но в таком случае мне пришлось бы долго ждать... И кто знает, вдруг я бы умер при родах или заболел – в начальной школе? Нет, так надежнее... И еще... Не могу понять, зачем этот лютеранский Бог позволил убить своего сына? Ведь Иисуса же распяли.

Сампса пояснил Рутье, что в данном случае речь шла о прощении. Что Иисус принес себя в жертву всему человечеству и пострадал за все грехи мира.

Рутья задумался. По его разумению, в такой жертве не было большого смысла.

– Мне кажется, что у Иисуса были какие-то проблемы в отношениях с отцом. Если бы со мной случилось то же самое и меня приговорили к смерти, я уверен, Бог грома не дал бы меня убить. В конце концов, метнул бы молнию в деревянный крест и тот сгорел бы. Ну да ладно, это не мое дело. Хотя, может, Иисус настолько добрый и хороший, что с удовольствием сам принес себя в жертву... Про чужих богов вообще трудно знать что-нибудь наверняка. Но чудной тип, это точно.

Уставшие после перерождения, Рутья и Сампса долго сидели на скале, отдохшая. И неторопливо беседовали на разные темы. Сампса рассказал, кто сейчас президент Финляндии, что происходит в области внешней политики, поведал, какая отрасль промышленности на сегодняшний день самая продуктивная, порассуждал о численности населения страны, об отношениях мужчин и женщин... Обо всем том, о чем Рутья имел слабое или давно устаревшее представление.

Договорились, что Сампса передаст Рутье бухгалтерию, машину, ключи от дома и магазина, и вообще будет оказывать всяческое содействие, особенно поначалу.

– Финны – простой народ, ты без проблем найдешь с ними общий язык, – уверил он.

Ночью Рутья и Сампса прошли через лес к поместью «Ронкайла». Деревянного божка они оставили на жертвенном камне, пообещав проводывать. Лицо божка застыло в язвительной ухмылке.

Когда они пришли во двор «Ронкайлы», Рутья на секунду остановился, окинув внимательным взглядом раскинувшееся перед ним хозяйство. Старое здание производило особо

унылое впечатление. Рутья не замедлил сказать Сампсе, что дом следует незамедлительно привести в порядок, ведь отныне в нем будет проживать самый настоящий Бог, сын Бога грома.

В ответ Сампса пожаловался, что у него не было средств. Конечно, если бы он предполагал, что к нему пожалует сам Бог, то, разумеется, приложил бы все усилия, чтобы отремонтировать здание. Но откуда он мог это знать? Дома живут своей жизнью, а боги приходят, когда им вздумается.

Мужчины миновали колодец.

Рутья попросил налить ему немного воды.

– Запыхался от ритуального танца, – произнес Рутья. – Да и перерождение отняло кучу сил.

Сампса поднял из колодца ведро чистой холодной воды.

– Вот это настоящая вода! Последний раз я пил воду из реки Туонелы. Там сильное и темное течение. И вода какая-то горькая.

Мужчины расположились в старой части дома. Им хотелось как следует отдохнуть, ведь на следующий день предстояло много дел. Рутья должен был приступить к роли хозяина усадьбы и владельца антикварного магазина, а заодно начать деятельность в качестве небесного посланника и агента Бога грома.

Глава 6

Боги не спят. Несмотря на сильную усталость, Сампса совершенно не хотел спать. А Рутья сладко зевал и, зайдя в дом, поспешил прилечь. – Неужели я заболел? – встревоженно спросил он. – Со мной раньше никогда такого не было.

Сампса успокоил его, сказав, что люди проводят в постели треть жизни, что у них принято спать ночью, когда на улице темно и больше нечем заняться. Так копятся силы на следующий день. Человеческий организм требует сна.

Рутья задумался. Значит, человек спит, чтобы собирать силы. Стало быть, потом весь день силы только тратятся…

Сампса сообщил Рутье, что его организм – не самый крепкий, поскольку он никогда особо не заботился о здоровье.

– В принципе, если решишь укрепиться, можешь начать делать зарядку, поднимать гантели и бегать. Но если хочешь завтра быть бодрым, сейчас лучше лечь спать.

На следующее утро Сампса отправился на кухню и принял готовить плотный завтрак. Сам он есть не хотел. Боги не чувствуют голода. Вероятно, на небесах вообще не принято есть. И боги черпают силы исключительно из духовной пищи.

Рутья недоверчиво посмотрел на стол. Сампса пояснил, что это еда, которая необходима для поддержания сил, так же как и сон.

Он откусил от бутерброда и принял с задумчивым видом тщательно пережевывать.

– Вот она какая, человеческая еда… Это что? А что сверху – мясо или что?

Сампса принял объяснить, что Рутья держит в руке кусок хлеба, испеченного из зерна. Хлеб намазан приготовленным из коровьего молока маслом. Сверху другой продукт из коровьего молока – сыр. А венчает бутерброд пара тонких кусков ветчины, сделанной из свинины холодного копчения.

Еще на завтрак Сампса сварил яйца, подал фрукты и, разумеется, чай. Он объяснил, что чай – это заваренные кипящей водой сущеные листья чайных кустов. Сообщил, что капнул в чай пару капель лимонного сока. А лимонный сок выжат из лимонов, которые растут на ветках лимонного дерева. В соке масса витаминов, необходимых человеку так же, как еда и сон.

– Недурно. Если мне удастся вернуть финнов в прежнюю веру, распоряжусь, чтобы на жертвенные камни ставили вот такие завтраки, а не жилистое оленье мясо или костлявую рыбу. Думаю, богам понравится.

Рутья съел все, что было на столе. Затем потянулся и задумчиво спросил, как люди понимают, что надо идти в туалет.

Сампса пояснил, что по-большому в туалет идут тогда, когда в животе возникает некоторая тяжесть. И к тому же в прямой кишке возникают специфические ощущения, которые ни с чем не перепутаешь. А когда надо помочиться, чувствуешь полноту и тяжесть внизу, от того, что мочевой пузырь давит на другие органы.

– Думаю, мне надо сходить в туалет, – уверенно сказал Рутья.

Сампса объяснил ему дорогу на задний двор и рассказал, как следует обращаться с туалетом.

– Кричи, если что, я не буду закрывать окно в библиотеке.

Рутья никогда в жизни не посещал туалет. За тысячи лет существования он никогда не чувствовал потребности испражняться. Он оглядел маленькое помещение и пришел к выводу, что справится с задачей. В комнатке была деревянная скамья с дыркой посередине. Рутья снял штаны и сел задницей в дырку. Поднатужился. Организм среагировал положенным образом. Рутья почувствовал значительное облегчение. Он вспомнил слова Ягряса о том, что христиане считают грехом любое удовольствие и наслаждение. Значит, и поход в туалет следует считать

греховным действием, ведь после него чувствуешь себя лучше и легче. Удивительно, что в христианском учении ничего про это не говорится. Видимо, они предпочитают скрывать этот грех, ведь недаром это действие выполняется в одиночку. “Двойная мораль”, – решил Рутья.

Справив нужду, Рутья заметил перед собой на стене рулон бумаги. Он знал, что это так называемая туалетная бумага. Оторвал от рулона подходящий кусок и вытер зад. На секунду задумался, задумчиво глядя на использованный кусок бумаги – куда бы его деть? Вряд ли можно положить в карман и использовать еще раз, уж больно неприятно пахнет. Не придумав ничего лучше, он бросил бумагу в дырку. Закрыл крышку и натянул штаны. “Ну, теперь все правильно”, – подумал он, испытывая гордость от правильно выполненной задачи. Интересно, Ягряс, провозглашающий себя Богом удовольствия, справился бы в одиночку с походом в туалет? Надо будет у него при случае поинтересоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.